

Андрей ПУЧКОВ

МНГОВЕКТОРЪЕ КРЫМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Туда душа моя стремится,
За мьс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон!*

Осип МАНДЕЛЬШТАМ, 1917

В 1900–1910-х гг. существовала спонтанно возникшая традиция издавать многотомные собрания сочинений писателей и философов не подряд (от первого тома к последнему, где обычно записные книжки и эпистолярный), а вразброд: сначала издать первый том, затем третий, затем, скажем, последний (так было, например, с Собранием сочинений Ницше под редакцией Ф. Ф. Зелинского, С. А. Франка, Г. А. Рачинского и др. [1]; с Полным собранием сочинений Пушкина в 1930–1950-х), а после заполнять промежуточные лакуны томов. Программа такого собрания сочинений, как правило, публиковалась в первом томе, и не всегда обнаруживала окончательную полноту. В настоящее время, конечно, такие «дырявые» собрания сочинений великих сочинителей залатаны окончательно [2].

Другое дело — издания, объединенные принципом серийности. Никогда не знаешь, какая книга будет издана в следующий раз, а о предыдущих можно прочитать в аннотации к каждой вновь вышедшей. Такое решение оставляет надежду, что заявленная серией историографическая проблематика с каждой новой книгой будет освещаться все шире и глубже, и где-то через томов десять–пятнадцать можно будет даже сказать о некотором тематическом ее исчерпании.

Именно такой род серии представляет «Библиография кримведения», затеянная в Симферополе по инициативе доктора исторических наук А. А. Непомнящего в 2004 г., и к сегодняшнему дню имеющая восемь томов,

тематически взаимосвязанных, но предметно автономных. Их запах горьковатый, масляный, скипидарный: перегибы свежи, клей бумаги потрескивает, — это новые книги, недавно покинувшие станок заботливой переплетчицы.

Как нет ничего более приятного, чем беседовать о книгах, так нет ничего более сложного в книжном деле, чем составление библиографий и биобиблиографий. Это многодельная работа и особый тип письма. Но именно о книгах такого научного жанра беседовать до приятного труднее всего: по форме вроде бы книга, а по содержанию будто справочник: что о нем скажешь? К нему, раз просмотрев, следует время от времени по какой-то своей научной нужде обращаться. «Время от времени» значит: а) когда возникнет потребность в справке; б) если трудишься над проблемой, по которой справочник создан, на краткий срок он становится настольным. Как только проблема изучена, книга следует в депозитарий (в дальний шкаф, на антресоль, в кладовку). Такова общая судьба библиографий, которым в приличных домашних библиотеках отводятся отдельные стеллажи. Немного, мне кажется, найдется смельчаков, которые станут обсуждать вновь изданный библиографический каталог с заинтересованностью и усердием подлинного книгодея, для которого разговор о книге никогда не сводится к комментарию текста на ее корешке. Хотя бы по этой веской причине, извинительной с точки зрения читательской времяземкости, эта рецензия будет по возможности краткой и принципиально обзорной. Впрочем, не без *grano salis*.

Редактор обсуждаемого восьмитомника — А. А. Непомнящий, мой уважаемый коллега в области историографии, профессор-библиограф, — трудится в старом Таврическом университете, являясь автором нескольких внушительного размера биобиблиографических монографий, затрепанному виду которых в Национальной библиотеке Украины имени В. И. Вернадского я в свое время совершенно не удивился.

Среди работ самого проф. Непомнящего назову, пожалуй, три главные книги, которые не входят в редактируемую им серию: «Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века)» (2000), «История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII — начало XX века)» (2001), «Историчне кримознавство (кінець XVIII — початок XX ст.)» (2003). В обсуждаемой ныне серии Андрей Анатольевич издал две монографические работы: «Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения» (2005) и «Подвижники кримведения» (2006). За последние годы эти книги обросли множеством доброжелательных рецензий, нейтральных откликов и завистливых «интерпретаций», но ни лучше, ни хуже от этого не стали, показав автору, что движется он в научно полезном направлении. Мне доподлинно известно, что значит выпускать в год по толстой книжке, еще более отчетливо представ-

ляю себе как редактор, что значит редактировать чужие рукописи, когда на свои времени не хватает: поверьте, тяжело. И всякий раз приятно видеть новый труд молодого исследователя, от книг которого ломится полка в твоей домашней библиотеке.

Итак, восемь выпусков «Биобиблиографии крымоведения»:

Выпуск 1: В. В. БОБКОВ. Статистики Таврической губернии (XIX — начала XX века): Биобиблиографический указатель / Под ред. А. А. Непомнящего. — Симферополь: Б/и, 2004. — 304 с.

Выпуск 2: У. К. МУСАЕВА. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки / Под ред. А. А. Непомнящего. — Симферополь: Таврия, 2004. — 214 с.: ил.

Выпуск 3: А. А. НЕПОМНЯЩИЙ. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. — 432 с.: ил.

Выпуск 4: Историческое краеведение Крыма на рубеже столетий: Вопросы истории крымоведения и охраны памятников: Сб. науч. тр. в честь 150-летия со дня рождения Арсения Ивановича Маркевича / Под ред. А. А. Непомнящего. — Симферополь: Б/и, 2005. — 228 с. — (Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: История. — Т. 18 (57), № 1)

Выпуск 5: Н. В. КАРМАЗІНА. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / За ред. А. А. Непомнящего. — Симферополь: Таврія, 2005. — 177 с.: іл.

Выпуск 6: С. А. ВОЛКОВА. Чехи на Півдні України (друга половина XIX — перша третина XX ст.) / За ред. А. А. Непомнящего. — Симферополь: АнтиквА, 2006. — 160 с.: іл.

Выпуск 7: А. А. НЕПОМНЯЩИЙ. Подвижники крымоведения. — Симферополь: СГТ, 2006. — 324 с.: ил.

Выпуск 8: О. М. БОБКОВА. А. Я. Фабр: Портрет администратора на фоне эпохи / Под ред. А. А. Непомнящего. — Симферополь: [Эльиньо], 2007. — 312 с.: ил.

Если вы поставите эти книги на полку в ряд, по номерам выпусков, получите странную картину: все книги разного формата, разной высоты и ширины, разного полиграфического и макетного качества, но приблизительно одинаковы по объему. Этот крымоведческий Монблан библиографической литературы напоминает мне нестройный абрис крымского ландшафта. Собственно, так и должно быть, ведь серийностью объединяется не столько единообразие, сколько многообразие книжной формы.

Как можно заметить, все книги написаны разными авторами, несколько из них являются публикациями по материалам защищенных под научным руководством проф. Непомнящего диссертаций, что порой отражается и на литера-

турной стилистике изложения: жанр наших диссертаций традиционно должен быть кондовым, а книга традиционно должна быть интересной. Как совместить? Только путем насильственного переписывания скучной диссертации, навевавшей ритуальный сон у официальных оппонентов, другой рукой: рукой писателя, заботящегося о стиле и дальнейшей востребованности твоей научной продукции среди любопытствующей аудитории. Так, скажемте, книги самого Андрея Анатольевича при всей глубине проникновения в проблему написаны, тем не менее, живым литературным языком: профессорским слогом ученых конца XIX века, ныне прочно нашими профессорами забытым.

Каждая книга открывается предисловием титульного редактора, каждый раз с необычной точки зрения вводящим читателя конкретной работы в круг задач кримведения в целом, признанным специалистом которого он является.

Книга Владимира Витальевича Бобкова, довольно узкая по проблематике (кому из нас приходилось сталкиваться с земскими статистиками XIX века, а тем более крымскими?), написана с тонким, едва уловимым в тропах и метафорах чувством юмора. Это понуждает прочитать хотя бы ее первую аналитическую часть с неослабевающим вниманием: автор прекрасно знает дело. Собственно, книга В. В. Бобкова монография в том смысле, что сведения собраны автором самостоятельно и изложены с единой точки зрения. По большому счету, это справочник. Треть объема издания занимает статья «Развитие статистических исследований в Таврической губернии (XIX — начало XX века)» (с. 15–95), наибольшая часть объема — «алфавитный указатель» имен: не к статье, как можно было ожидать, а вообще имен таврических статистиков. Этот указатель, во всех отношениях полезный, составляет содержательное ядро монографии. Прочее — не менее полезные приложения. Здесь и указатель материалов, опубликованных на страницах «Таврических губернских ведомостей» в рамках историко-статистического изучения губернии (1862–1871 гг.); и список обзоров Таврической губернии, Керчь-Еникальского и Севастопольского градоначальств, и обзор материалов, опубликованных земскими статистиками Тавриды, и в старой орфографии воспроизведенные документы николаевской эпохи — Высочайшие правила для статистического отделения при Совете МВД и статистических комитетов в губерниях (1834 г.) и Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «Об учреждении статистических комитетов в Николаеве, Севастополе и градоначальствах: Измаильском, Таганрогском, Одесском и Керчь-Еникальском» (1835 г.), а также Высочайше утвержденное государем императором Александром II Положение о губернских и областных статистических комитетах (1860 г.). Эти несколько страниц (с. 259–276) — пособие, полезное не только для кримведов, но и для историков статистического дела в Российской империи. Книгу

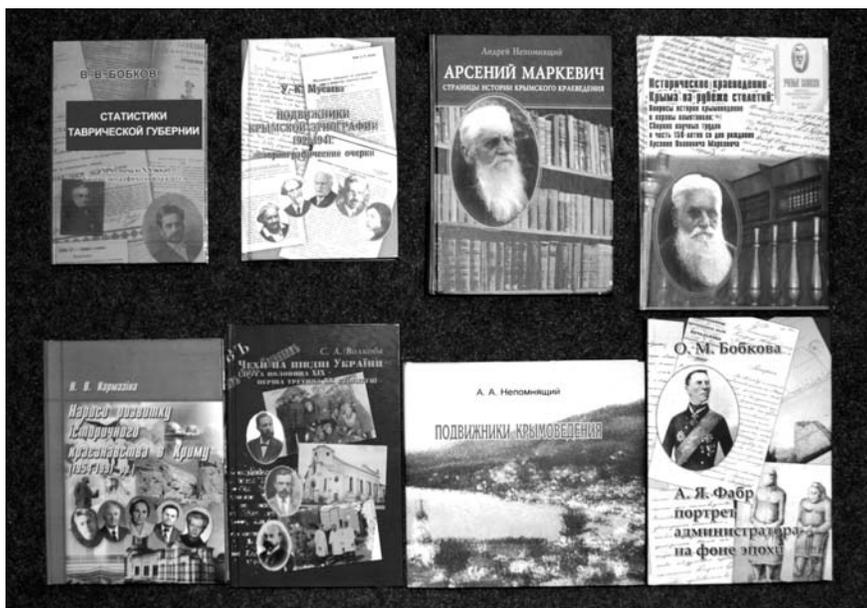
утешительно украшает веер указателей: именной, географический, предметно-тематический. Автор, изучая статистиков, сам невольно сделался статистиком (*profession de fois*), и за этой работой позабыл о психологических портретах людей, составлением биобиблиографических справок о которых занимался столь усердно. Фотопортреты, даже немногие, охотно бы украсили книгу. Те несколько анонимных фото, что помещены на обложке, лишь отчасти скрашивают ситуацию, впрочем, давая представление, что статистик дореволюционный выглядел значительно respectableней нынешнего. На мой взгляд, при всех оговорках, приводимых автором, ему удалось исчерпать тему по крайней мере на уровне научных задач, которые В. В. Бобков перед собой поставил.

Монография Улькеры Кязимовны Мусаевой о подвижниках крымской этнографии предвоенного двадцатилетия, по сути дела есть сборник историографических портретов. Портретируемые: У. А. Боданинский, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, В. А. Гордлевский, А. К. Кончевский, Б. А. Куфтин, А. Н. Самойлович, Е. Ю. Спасская, В. И. Филоненко, П. Я. Чепурина и Я. М. Якуб-Кемаль. Труд построен по композиционному принципу, которого придерживался и придерживается научный редактор серии, и может служить логичным звеном в ряду трудов самого А. А. Непомнящего о старателях музейного дела в Крыму (2000 г.) и подвижниках крымоведения (2006 г.), своеобразно дополняющим эти работы аспектом историко-этнографическим. Книгой У. К. Мусаевой впервые вводятся в оборот историографической сферы документы из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, позволяющие после авторской аналитико-синтетической обработки воссоздать процесс изучения этнографии народов Крыма в период существования Крымской АССР. Каждый персональный очерк если не психологический, то наверняка творческий и научный портрет человека, отдавшего много сил и участия делу исследования крымской народной культуры. Если макет этой книги более привлекателен, нежели книги Н. В. Кармазиной, о которой будет идти речь ниже, то полиграфическое исполнение, особенно важное в передаче фотографий, оставляет желать лучшего. Впрочем, скверное качество воспроизведения фотопортретов поставляет сознанию читателя дополнительный штрих к картине эпохи, не жаловавшей людей умственного труда (какое время их жаловало?), понуждающий лишний раз призадуматься об их нелегком бытийном пути.

О книге редактора серии, А. А. Непомнящего, посвященной творчеству А. И. Маркевича, мне доводилось сочинять рецензию, и в контексте данного обзора я лишь осмелюсь отослать читателя к ее тексту [3].

Четвертый выпуск серии «Биобиблиография крымоведения» не совсем обычен в ее ряду: это не авторская монография, но тематический сборник с длинным заголовком, выпущенный в другой серии — экстренным, то есть

юбилейным выпуском в массиве «Ученых записок Таврического национального университета им. В. И. Вернадского» по разделу «История». Сборник «Историческое краеведение Крыма на рубеже столетий» — материализованное воспоследование торжественного собрания, состоявшегося в Таврическом университете по случаю 150-летия А. И. Маркевича в апреле 2005 г. Издание начинается приветственное слово ректора университета, продолжают двадцать тематически самостоятельных статей, лишь часть из которых освещает деятельность Маркевича, и заключают приложения: 1) два текста Маркевича «Погибла ли Россия?» и «В былые дни: Параллели прошлого», 2) Отчет о состоянии и деятельности библиотеки Крымского университета в 1921–1922 гг., подготовленные к публикации В. В. Лавровым и В. В. Бобковым. Массив статей составили публикации А. А. Непомнящего «А. И. Маркевич — организатор научного крымоведения: По эпистолярным источникам досоветского времени», О. М. Бобковой «Исследователь Новороссийского края А. Я. Фабр», М. А. Вальо «Бальтазар Гакет и Украина», С. А. Волковой «Чехи южных регионов Украины в 20–30-х гг. XX века: Днепропетровская, Запорожская, Херсонская области», Т. А. Дружининой «Краеведческая составляющая информационно-библиографической работы библиотеки», С. Ю. Зозули «Судьба историка Г. А. Максимовича: крымский период и жизнь за пределами Украины», Э. М. Кангиевой «Периодические издания крымскотатарской диаспоры как средство популяризации истории и культуры», Н. В. Кармазиной «Создание и развитие общественных музеев в Крыму (конец 50-х — 80-е гг. XX в.)», Н. Э. Кунанец «Универсальные научные библиотеки Львова (XIX — 30-е гг. XX в.): Опыт сравнительно-типологического анализа», В. В. Лаврова и В. В. Бобкова «Боспорский университет (1917–1920 гг.): К истории становления высшего образования в Крыму», А. Ю. Манаева «Современная законодательная база Украины в сфере охраны памятников археологии: достижения и противоречия (на примере АРК)», П. Н. Марциновского «Рынок как историческая категория», У. К. Мусаевой «Этнографические исследования в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии (1923–1931)», А. И. Раздорского «Справочные и историко-статические издания Таврической епархии XIX — начала XX в.: Историко-библиографический обзор», А. В. Севастьянова «Арсений Маркевич — действительный член Российского общества по изучению Крыма», Е. А. Таршиной «Военные действия в период Крымской войны (1853–1856 гг.) на страницах журнала «Русская старина», И. В. Тункиной «Новые архивные материалы о роде Дюбрюксов в России», Р. И. Ушатовой «Из истории библиотеки для чтения С. Б. Туманова», А. В. Хливнюка «Из истории памятникоохранительной работы в Крыму в 20-е гг. XX века» и Д. Н. Шилова «Историко-географические материалы к “Русскому провинциальному некро-

полю» по Таврической епархии». Публикации, наполнившие сборник, настолько разновекторны по темам, что предлагать хотя бы краткий очерк каждой из них — значит, испытывать читательское терпение. Можно лишь подчеркнуть, что только в некоторых публикациях наблюдается стремление подняться над историографическим материалом, и обозреть феномен (например, статья П. Н. Марциновского), остальные же работы выдержаны в строгом историографическом ключе, и каждая раскрывает причастный к ней научный вопрос. Собственно, материалы сборника показывают и раскрывают спектр проблем, стоящих перед современным крымоведением, и могут являться эрзацем указателя к дальнейшим номерам серии «Библиография крымоведения»: если в сборнике присутствуют статьи всех авторов отдельных книг этой серии, следует полагать, что «безкнижные» авторы вскоре в ней появятся. Не будучи иллюстрированной, эта книга оказывается значительным вкладом в развитие историографической отрасли науки о Крыме.

Монография Наталии Валериевны Кармазиной о развитии исторического краеведения в Крыму в период от Хрущёва до Горбачёва (с 1954 по 1991-й), при всей сатиричности исследуемой эпохи, каким-то загадочным образом лишена ореола стилистического изящества, который всякий человек, бравший в руки маленькие, тоненькие путеводители по Крыму, Ялте, по Алуште, Судак, пах-

нущие степными травами и пересыпанные песком, каждый раз подсознательно ощущал. Скверная бумага, плохонькая печать, большие тиражи — все в этих путеводителях кричало об их недолговечности, сиюминутности, свидетельствуя о невозможности перегнуть самих себя, как бы ни стараться. В каждой советской семье хранились стопочки таких брошюрок, безжалостно выбрасываемых при очередном переезде. Однако только сейчас задумываешься, что эти едва ли сохранившиеся в библиотеках дешевые издания есть плод неутомимой научно-поисковой работы небольшого отряда людей, достойных и неравнодушных к своему удивительному «острову». С книгой Н. В. Кармазиной мы получили свод этих своеобразных по жанру краеведческих изданий. Именно они в послевоенное время популярно отражали состояние крымоведения: больше смешное, нежели научное. Впрочем, я сказал только об одном аспекте исследования, занимающем в книге два десятка страниц, но оттого не менее запоминающемся: конечно, авторское движение следует назвать комплексным. Н. В. Кармазина, осветив основные этапы изучения послевоенного крымского краеведения, обозрев источники по его истории 1954–1991 гг., рассматривает памятникоохранительную деятельность государственных учреждений и общественных организаций в Крыму, вопросы увековечения знаменательных событий крымской истории и подготовки крымского тома «Истории городов и сел Украинской ССР», научные исследования по крымоведению, уже знакомые нам путеводители, государственные и общественные музеи как центры краеведческой работы, поспешествовавшие развитию исторического крымоведения. Впечатление от знакомства с монографией столь же комплексное, как и ее содержательная внутренняя архитектура: при неприлично низком качестве полиграфического исполнения (ризограф подвел) и художественных странностях макета содержание труда Кармазиной оставляет в читателе чувство удовлетворения от проделанной автором работы. Немного стилистического изящества в письме, и книга могла оказаться бестселлером: ведь о занятных вещах стоит и повествовать занятно.

Труд Светланы Анатольевны Волковой, посвященный комплексному исследованию истории чешского населения Южной Украины второй половины XIX — 1930-х гг., — едва ли не наиболее классическое сочинение в области истории среди всех книг обсуждаемой серии. Это ее качество не столько свидетельствует о том, что другие издания «хуже»: чего нет — того нет. Восприятие этой книги как классической есть следствие того семантического ореола исторической монографии, который понуждает воспринимать труд в ряду иных книг, посвященных специальным вопросам. По сравнению с другими выпусками серии, построенными *par excellence* по диахроническому принципу, книга С. А. Волковой свидетельствует о сугубом синхроническом ходе: так Лависс

и Рамбо писали о XIX веке, Кулаковский и Успенский — о Ромейской империи. Автор начинает с постановки задачи: чехи юга Украины как предмет научного исследования, затем указывает на источники по истории чехов нашего юга, переходит к собственно историографической работе: характеризует основные факторы переселения чехов, исследует ход этого переселения в Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую губернии, выявляет социально-экономические процессы в чешских колониях 1860-х — 1920 гг. и показывает состояние чехов в 1920–1930-е. Исследование завершается изображением роли чехов в культурной жизни юга Украины первой трети XX в., а иллюстрации, кстати, великолепно репродуцированные полиграфически, свидетельствуют и о современном культурном движении чешской диаспоры. Библиографический указатель по теме и приложение с численными данными о переписи чехов за 1897 и 1926 гг. дополняют общую картину, производя чрезвычайно благоприятное впечатление. Если принять во внимание, что по первой Всероссийской переписи 1897 г. в Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерниях проживало всего 3763 чеха, а в 1926-м на территории Крымской АССР, Днепропетровской, Запорожской, Николаевской, Херсонской и Одесской областей их численность составляла 2726, причем в Крыму проживало 1406 человек чешской национальности, предмет исследования представляется вполне «объятным», а степень и качество его научной интерпретации под добротным стилистическим стилем С. А. Волковой — убедительными.

Седьмой выпуск представляет труд редактора серии, Андрея Анатольевича Непомнящего. По издательскому формату эта книга наиболее оригинальная среди прочих: приближается к квадрату (22 x 21 см). Приятный, «под старину», выполненный макет, игра разными типами бумаг, композиционное единообразие орнаментации, художественное разнотилье обложки и суперобложки — только внешние качества издания, пожалуй, лучшего среди вышедших в серии. Его содержательные качества не менее выразительны. В книге 14 очерков, из которых 13 — посвящены персоналиям; последний — малоизученной истории организации в Харькове в 1929–1930 гг. Украинского общества изучения Крыма и Кавказа, в частности, деятельности Д. П. Гордеева, А. А. Янаты, В. В. Дубровского, М. А. Ветухова, неизвестных фактов биографии Остапа Вишни (П. М. Губенко). Главный массив книги занимают научно-творческие биографии людей, причастных кримведению: П. И. Кёппена, В. Х. Кондараки, Н. Н. Мурзакевича, М. Н. Бережкова, А. Л. Бертъе-Делагарда, О. Ф. Ретовского, В. В. Шкорпила, И. А. Линниченко, А. Н. Деревицкого, Ю. А. Кулаковского, А. В. Орешникова, Н. Д. Полонской-Василенко, А. Ф. Музыченко. Некоторые из этих статей уже появлялись в периодической печати, обращая на себя внимание тщательностью подхода, однако, будучи собраны вместе, представляют

почти эпическую картину развития археологических и историографических исследований Крыма конца XIX — первой половины XX вв. Богатый опыт архивно-поисковой работы проф. Непомнящего позволяет ему свободно обращаться с материалом: автор имеет определенную точку зрения, корень которой углублен в научной беспристрастности, и не скрывает, но и не подчеркивает слабые человеческие стороны изучаемых им ученых, непременно ставя акценты на сторонах положительных. Он прекрасно понимает, что порицать хорошего ученого за то, что он скверный человек, — все равно что порицать тракторный завод за то, что дымит и грохочет (М. Л. Гаспаров). Я потому остановился на этом моменте, что получившиеся у Андрея Анатольевича портреты крымоведов далеки от традиционных, влекущих на зевоту: каждый человек представлен в его многосложности, которую автору посчастливилось разглядеть сквозь скупую строку сохранившегося в архиве документа. Каждый, кто занимается историей классической филологии, археологии и музейного дела в России, обнаружит в этой книге новый, взаимосвязано представленный массив свидетельств и неизвестных ранее подробностей о деятельности русских ученых на поприще крымоведения, что позволит более корпусно уяснить роль и историческое значение каждого из них. Особенно удачными следует признать очерки об А. Л. Бертье-Делагарде, Ю. А. Кулаковском и А. Н. Деревицком. Деятельность последнего, впервые в очерке проф. Непомнящего получившая историографическое освещение, действительно ожидает скрупулезного исследователя: не только историографа, но «классического филолога» и историка классической филологии. Поскольку в задачи автора не входило комментированное исследование трудов российских филологов-классиков рубежа XIX–XX вв., среди которых Ю. А. Кулаковский и А. Н. Деревицкий занимали отнюдь не последнее место, всестороннее изучение их научной деятельности не только в области крымоведения еще долго будет оставаться насущной исследовательской задачей. В этом смысле портреты, написанные нашим автором, оказываются необходимым фактологическим подспорьем. На титульном листе книги А. А. Непомнящего под заглавием проставлена цифра «I» (кстати, не указанная в выходных данных), долженствующая, по-видимому, означать только первый выпуск «Подвижников крымоведения»: этих подвижников действительно много, потому стоит терпеливо надеяться на появление следующих выпусков биографических очерков о них, написанных изящно и со знанием дела.

Последняя из вышедших к сегодняшнему дню монографий — книга Оксаны Михайловны Бобковой — посвящена исследованию жизни наиболее оригинального для российской культуры деятеля: чиновника. Последними десятилетиями большевистского режима сознание «простого советского человека» отравлено представлением, что чиновник — человек заведомо посредственный, не имею-

щий талантов (часто — даже специально административного), несколько придурковатый, гнущийся вместе с линией партии, хамоватый и, по большому счету, редкий подлец, от которого стоит держаться подальше. Чиновничество современное, к сожалению, не дает особенных оснований усомниться эту «прелесть сознания»: умный в гору не пойдет. Не то может различить внимательный глаз в чиновничестве дореволюционном. Безусловно, традиция российского чиновничества, изумившего маркиза Астольфа де Кюстина и осмеянного Гоголем, Салытковым-Щедриным, Лесковым и прочими наблюдательными людьми XIX века, — традиция давняя, и институт чиновника не мог иметь иных форм, нежели имеет, и будет иметь. Однако следует со всей настойчивостью утверждать, что среди высоких должностных лиц Российской империи все-таки попадались незаурядные люди. Я не говорю о ярких личностях министров народного просвещения (например, о Г. Э. Зенгере, переводившем на латынь «Евгения Онегина»), но даже на уровне тайных советников, ректоров университетов и директоров гимназий чаще, чем ныне, встречались творчески одаренные, неординарные люди (его императорское высочество великий князь Константин Константинович, президент Императорской академии наук, поэт, адмирал и драматург; поэт И. Ф. Анненский — директор Царскосельского лицея; филолог-классик В. В. Латышев — товарищ министра народного просвещения; В. В. Вельяминов-Зернов — попечитель Киевского учебного округа; выдающийся механик-машиностроитель И. А. Вышнеградский — министр финансов; А. Н. Деревицкий — попечитель Одесского учебного округа и др.). В николаевской России одним из таких был Андрей Яковлевич Фабр (1789–1863), байстрюк, который прилежанием, умом и талантами выбился в тайные советники, был ближайшим помощником Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора кн. М. С. Воронцова, Таврическим губернским прокурором, затем десять лет служил Екатеринославским гражданским губернатором. Виднейший в середине XIX в. администратор Юга Украины, Фабр оказал значительные услуги развитию музейного дела, является автором нескольких трудов, посвященных истории Крыма, переводчиком «Перипла по Эритрейскому морю» Флавия Арриана, и вообще как человек и меценат может быть зачислен в ряды подвижников крымского краеведения того времени едва ли не в первых рядах. Книга О. М. Бобковой о Фабре читается на одном дыхании, изобилует тщательно подобранными, интересно изложенными и толково истолкованными фактами, ведь жизнь чиновника многообразна, — и дополнена разделом «А. Я. Фабр в историческом анекдоте» (с. 220–248), составленным на манер популярного издания «Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века». Краткий исторический рассказ, микроновелла, сатирическое наблюдение (в духе Антоши Чехонте), острое словцо всегда сопровождали большую литературу, дополняя официальную историю «послужных

списков» великих (и не очень великих) мужей. В российской традиции расцвет этого своеобразного жанра приходится на рубеж XVIII–XIX вв. Анекдоты и смешные истории о Фабре — ценная дань такому жанру, позволяющая за систематической строгостью изложения его биографии увидеть живого человека, ставшего литературным персонажем. Вот, например, такой рассказик: «Прогуливаясь однажды по вновь устроенным <екатеринославским> бульварам, Фабр заметил, что идущий впереди его по виду “чиновничек” обрывает с деревьев веточки. Андрей Яковлевич потихоньку догоняет врага вновь призванной к жизни флоры и, совершенно неожиданно для последнего, весьма чувствительно дергает его за ухо. Неприятный рефлекс, полуоборот и... злосчастный чиновник предстал пред лицом г. начальника губернии. Бедняга обомлел от страха, а Андрей Яковлевич прехланокровно вопрошает: “А что, больно?” — Пристыженное молчание в ответ. — “То-то, братец, продолжает Андрей Яковлевич, — тебе больно, — больно и дереву, когда обламывают у него веточки. Другой раз этого не делай!” С этими словами Андрей Яковлевич пошел дальше, довольный смущением чиновника» (с. 223). Скрупулезно собранные по разным провинциальным газетам 1880-х, такие сказания о Фабре в комплексе служат демонстрацией личного врачевания екатеринославским губернатором общественных язв, память которого была покрыта неувядаемой славой создания в Симферополе приюта для беспризорных детей. Книга О. М. Бобковой дополнена публикацией неизвестных рукописей Фабра «Путевые заметки в поездку к кавказским минеральным водам в 1823-м году», «Краткие сведения о Крыме», но, к сожалению, не дополнена библиографией его опубликованных трудов и литературой о Фабре [4], что придало бы достойному труду известную жанровую законченность. Кроме прочего, читатель неожиданно обнаружит в книге текст «освободительного» Манифеста 1861 г. Наверное, это хорошо.

Положительным и ценным в некоторых из осмотренных книг серии следует признать факсимильное воспроизведение документов: они оформляют форзацы и нахзацы, занимают почетное место на страницах, доставляя графологическое удовольствие, каллиграфически тактильно [5] передавая архивный аромат ушедшей эпохи, и не только служат целям художественного украшения изданий, но выказывают тщательность, научное неравнодушие авторов к своим историографическим занятиям.

Наверное, глядя на книги серии «Библиография кримведения», можно вести речь о латентном, неспешном формировании целого научного направления современной биографистики и библиологии, связанном с крымской историографической тематикой, которому уготовано занять надлежащее место в ряду отечественной историографии. Не последним фактором в сложении этого культурно важного процесса оказывается заинтересованное участие ти-

тульного редактора серии профессора А. А. Непомнящего: незаменимых у нас, конечно, нет, но уникальные есть точно.

Одно общее замечание к изданиям хотел бы высказать в форме общего пожелания. Почти в каждой книге опубликованы документы, разысканные в древлехранилищах: это письма (цитаты из них), это целостные рукописи, фрагменты воспоминаний, анекдоты (о Фабре) и проч. То есть массив, не принадлежащий авторам книг, а принадлежащий перу изучаемых ими персонажей. Приходится сознаться, что комментирование этих текстов, особенно полностью публикуемых рукописей, оставляет желать более выверенного подхода. Следует каждый раз, публикуя чужой текст, тем более текст столетней давности, держать в сознании необходимость связывать разницу текстуальных масштабов с разницей комментаторских и читательских интересов. В свое время М. А. Гаспаров предложил три направления: два крайних и одно промежуточное. 1) На одном крае: а) масштаб — комментарий к слову; б) предмет — комментарий к языку и стилю; в) тип комментария — текстуальный, пословный и построчный. 2) На другом крае: а) масштаб — комментарий к целому корпусу произведений, целому авторскому творчеству; б) предмет — комментарий к реалиям и идеям; в) тип комментария — концепционный, преамбульный. 3) В промежутке между этими крайностями: а) масштаб — комментарий к произведению; б) предмет — комментарий к литературному фону, к интертекстуальной ткани; в) тип комментария — вероятно, будет варьироваться, структурообразующие подтексты потребуют более связного, концептного описания, а орнаментальные подтексты удовольствуются более беглым, текстуальным, построчным [6]. М. А. Гаспаров в последующих строках письма просил прощения за такую грубую схему, замечая: «конечно, для каждого комментируемого текста в ней будут выделяться более важные и менее важные аспекты в самых разнообразных сочетаниях, но, может быть, она все же поможет начинающему комментатору ориентироваться в своих целях и средствах» [7]. В нашем случае речь идет не о начинающих комментаторах, но о профессиональных историках, однако недостатки комментирования публикуемых ими текстов истекают, по-видимому, из размытого образа адресата публикации. Конечно, нет необходимости в комментариях давать такие сведения, которые для читателя-историка подразумеваются сами собой (каждый ведь знает, что такое «перипл»), но, скажем, для студента остаются непроясненными. Поскольку комментарий кроме исследовательских задач имеет еще и просветительские (например, «история сажени» в книге О. М. Бобковой, с. 113), следует принять во внимание, что по комментарию человек познает охотнее, нежели по учебнику. Конечно, специализации в наше время все больше расходятся, и молодые историк, историограф, лингвист и литературовед все меньше понимают друг друга. Но, составляя не-

сколько профессионально разных комментариев к одному и тому же тексту, они обязаны заботиться, чтоб быть понятными «ученому соседу». — «Поэтому не нужно стесняться напоминать и самые азбучные вещи: вопрос лишь в том, как их напоминать, потому что просвещать читателя-профессора гораздо труднее, чем читателя-школьника. Но здесь уже, к сожалению, кончается наука и начинается искусство — педагогическое» [8]. Всякий комментарий есть перевод языка одной эпохи на язык другой эпохи, на современный язык понятий и чувств; это продолжение словаря и Интернета: словарь говорит, что такое-то иноязычное слово похоже на русские слова, а комментарий уточняет, что оно не похоже. Нейтрального перевода, как и нейтрального комментария, не существует: перевод начинает интерпретацию текста на современный лад, комментарий ее продолжает. «Не надо думать, что читатель сделает это сам: он или совсем этого не сделает, или сделает совсем не так, как мы ожидаем» [9].

Пожалуй, это единственное «техническое» пожелание к дальнейшим книгам серии (что теперь порицать вышедшие?). Об опечатках говорить уже не принято: они только украшают книгу, доставляя читателю удовольствие помечать их в маргиналиях и порождая порою филологический курьез. Полиграфическое исполнение от авторов не зависит, а полиграфисты едва ли читают рецензии. «Биобиблиография кримведения» — достойная серия.

О книгах, вышедших в этой серии, можно распространяться долго: можно обращать внимание на удачные и неудачные моменты текста, размышлять над «оглавленческой» композицией изданий, обсуждать конкретные пороки и достоинства полиграфической внешности и т. д. Так в «Журнале Министерства народного просвещения» сочинялись многостраничные, дотошные рецензии. Однако современное журнальное место диктует свои законы, и напоследок я хочу лишь призвать читателя обратить внимание на это продолжающееся симферопольское издание. Ведь каждый из нас любит Крым, стремится вырваться туда летом хотя бы дикарем, хотя бы на неделю. Но поверьте, с бокалом сухого красного вина и книгой из этой серии в руках вы и зимой почувствуете обаяние полуострова, который для Римской империи был, что для большевистской — Сибирь. Римляне в Крым ссылали провинившихся. Нам, законопослушным, в такую «ссылку» попасть порой трудновато. Но для этого и существует библиотека, а в ней — хорошие, умные книги о Крыме.

1. Из десяти запланированных томов увидели свет первый, второй, третий и девятый.

2. До сих пор продолжается выпуск очередных томов Сочинений Сталина, официально окончившихся 13-м томом в 1951-м, и возобновленных невзвешенно в Твери Р. Косолаповым: в 1997–2007 гг. под его редакцией вышли тома 14–18.

3. Пучков А. Научовий життєпис Арсенія Маркевича // Мова та історія: Періодичн. зб. наук. пр. — К., 2005. — Вип. 84. — С. 162–166; Пучков А. Бытописание А. И. Маркевича в русле истории крымоведения // Библиография: Научн. ж-л / Рос. книжная палата. — М., 2006. — № 6 (347). — С. 64–67.

4. Они невелики по числу. См.: *Непомнящий А. А.* История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII — начало XX века). — Симферополь, 2001. — С. 602–603, 735, а также: С. 60, 273, 370, 408, 560, 568.

5. «Только поздняя античность, переходящая в средневековье, — по другому поводу подчеркивал С. С. Аверинцев, — превращает букву из служебной фиксации звука в предмет особого любования и преклонения, в сакральную вещь, которая имеет свое бытие, свою жизнь, свой впечатляющий облик» (*Аверинцев С. С.* Заметки к будущей классификации типов символа // Проблемы исторического изучения культурного наследия. — М., 1985. — С. 299). Нынешнее время хоть и далеко отстоит от эпохи умолкнувшей эллинской речи, однако впечатляющий облик и «свое бытие» рукописного дореволюционного документа по-прежнему, то есть традиционно, вызывает кое у кого из людей, не чуждых книголюбия, почти блаженный художественный трепет: ведь если правда, что до сих пор «есть люди, которые по мере взросления утрачивают детскую потребность самозабвенно тарачиться на картинки» (*Аверинцев С. С.* Поэты. — М., 1996. — С. 7), сохраняются и другие, у которых «это иначе».

6. *Гаспаров М. Л.* Ю. М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 66. — С. 56.

7. Там же.

8. Там же. — С. 57.

9. Там же.